

А. П. Килин

ПОЛИТИКА ПЕРЕВОДА ЦЫГАН НА ОСЕДЛЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (1926 – 1937)*

Представления о цыганах – их повседневной жизни, традициях, обычаях, истории, многообразии различных групп – весьма туманны. Наше мнение о цыганах основано порой на слухах, суевериях или криминальных сводках. В целом, можно говорить об явном информационном дефиците, скудости сведений о представителях этнической группы, которая стала неотъемлемым элементом современного урбанистического ландшафта.

В последние годы интерес к данной теме активизировался, в том числе и по причине негативного плана – в связи с обострением межнациональных отношений на территории Свердловской области в целом и в Екатеринбурге в частности. Относительно однородный и стабильный этнический состав населения Урала после распада СССР и ухудшения экономической ситуации на периферии постсоветского пространства сменился активизацией миграционных процессов. В сочетании со свертыванием интернационального воспитания это привело к обострению межнациональных отношений. Часть мигрантов оседает надолго, другие появляются на время сезонных работ либо для осуществления «челночного» бизнеса.

Изменение экономической ситуации, ликвидация острого товарного дефицита к концу 1990-х гг. привели к вытеснению цыган из традиционных сфер бизнеса, в частности из торговли. К сожалению, стали чаще проявляться нацеленность на криминальные виды деятельности. Возможно, поэтому в сознании горожан образ цыган неразрывно связан с торговлей наркотиками и мошенничеством. Большинство информационных сообщений, в которых упоминаются цыгане, носит явно негативный характер и относится к разряду криминальных сводок. По выражению известного шоумена от политики В.В. Жириновского: «Цыгане – самые честные. Они воруют и танцуют»¹.

---

* Издание в рамках работы, финансируемой грантом РГНФ № 04-01-83103 а/У.

Изменение общественного мнения возможно с получением более полной и исчерпывающей информации об этом народе, в том числе в результате знакомства с его историей, в частности, с периодом 1920 – 1930-х гг., когда он являлся объектом особого внимания властей, стремившихся перевести кочующих цыган на оседлый образ жизни.

В историографии существует ряд работ, посвященных проблемам оседания цыган. В частности, работа Н.И. Платунова, посвященная переселенческой политике советского государства². В параграфе, посвященном переселению цыган, автор рассматривает организационно-правовые аспекты проблемы, приводит интересный фактический материал о деятельности цыганских колхозов, в том числе и на Урале. Однако классовый антагонизм в цыганском таборе он рассматривает как одну из основных причин неудач колхозного строительства и, в целом, отрицает применение административных мер при формировании цыганских колхозов.

Исследование, носящее главным образом этнографический характер, дает нам обобщенную картину истории цыган в России. В историческом экскурсе также нашлось место цыганским колхозам. В работе, написанной в 2000 г., авторами в самом названии декларируется новизна подходов. Вопреки позиции Н.И. Платунова, они акцентируют внимание на административных методах в отношении цыган, говорят о череде репрессий, направленных против них. Политика перевода цыган на оседлость рассматривается авторами исключительно как силовая акция властей³. Цыгане в данной интерпретации событий выступают скорее в роли жертвы, а не в качестве этнической общности, которая пытается в изменившихся условиях адаптироваться к ситуации и в очередной раз продемонстрировать свою жизнеспособность.

Некоторые работы Н.В. Бессонова описывают точку зрения цыган на мероприятия советской власти, в частности на процесс создания колхозов. Нам импонирует позиция автора, его равнодушие к судьбе этого народа. В работах содержится богатый фактический материал о современном состоянии цыганских общин⁴. Намеренная заостренность проблемы и публицистичность публикаций не вступают в противоречие со стремлением автора объективно рассмотреть проблему. Судя по этим публикациям, именно Н.В. Бессонов являлся автором наиболее интересных для нас разделов уже упомянутой коллективной монографии.

Ряд публикаций 1930-х гг. дает наиболее полную картину перехода цыган на оседлость. Разумеется, в них присутствует идеологическая составляющая и обоснование необходимости этой политики с позиции государства. В работах середины 1930-х гг. все настойчивее звучат призывы бороться с «классово-чуждыми элементами» в среде цыган и призывы к всемерной поддержке «трудящихся цыган». Однако работы содержат

большое количество критических замечаний, примеров неэффективных мероприятий властей⁵.

Весьма солидной историографией обладает история колхозного строительства, однако цыганским колхозам там места не нашлось, т. к. они не могли служить примером успешной политики государства.

Территориальная мобильность, автономность в отношении административно-территориальных органов власти, проблемы во взаимоотношениях с властными структурами и населением, нелегальные формы хозяйственной деятельности – эти реалии жизни цыган не способствовали образованию документированной информации, существенного «культурного слоя» в виде архивных материалов.

В качестве источников информации по данной теме использованы нормативно-правовые документы центральных и региональных органов, опубликованный отчет заседания при Совете национальностей ЦИК СССР⁶, делопроизводственная документация, связанная с созданием колхозов и освещающая проблемы в их функционировании⁷, материалы административных и судебных органов. Проблема изучения данной темы состоит в том, что крайне скудно представлены материалы, созданные непосредственно цыганами. Таким образом, объект исследования представлен в освещении сторонних наблюдателей – главным образом, регулирующих органов и властных структур.

В этой связи наиболее ценными являются материалы, авторы которых – сами цыгане. Это заявления председателей колхозов в вышестоящие инстанции, их выступления на совещаниях, а также протоколы собраний колхозников. Одним из сюжетов, который нашел отражение в делопроизводственных документах, в частности в материалах Свердловского облисполкома (фонд 88-р Государственного архива Свердловской области), был процесс создания цыганских колхозов на Урале. Специфика материалов подтверждает тот факт, что в фонде они выделены в отдельные дела под заголовком «Цыганские материалы».

Интерес к проблемам национально-культурного взаимодействия населения Урала проявился у автора в ходе работы над сборником документов. Именно тогда и был выявлен ряд документов, относящихся к теме настоящего проекта. В публикации предполагалось рассмотреть как период освоения и колонизации Урала, так и процессы, относящиеся к новейшему периоду отечественной истории, однако в силу ряда обстоятельств реализована была лишь первая часть проекта⁸. Впоследствии была сделана попытка очертить сферы интересов государства и цыган на примере создания национальных колхозов⁹.

В 1920 – начале 1930-х гг. активно обсуждалась идея перевода кочующих цыган на оседлый образ жизни. Смена уклада диктовалась целым рядом причин – от глобальной идеи построения основ социализма до

реализации в полном объеме института прописки. Если бы процесс создания колхозов носил исключительно насильственный характер, то этот сюжет внес бы мало нового в историографию. Однако процесс создания колхозов был поддержан и самими цыганами. Разумеется, побудительные мотивы этого «встречного» движения со стороны цыган были совсем иные, чем со стороны государства, – более прагматические, лишённые идеологической основы. Разобраться в этих взаимоотношениях и побудительных мотивах сторон – цель данной статьи.

Рассмотрим мероприятия властей в отношении цыган, чтобы выявить основные цели, которые ставило перед собой государство, и дать оценку эффективности и последовательности данных мероприятий.

Н.Г. Деметер, Н.В. Бессонов и В.К. Кутенков так определяют перечень мероприятий, которые осуществляло государство в отношении цыган в предвоенный период: принятие законодательных актов, создание цыганских колхозов, формирование цыганской общественной организации, проведение культурно-просветительских мероприятий и образование цыганских промысловых артелей¹⁰. В данной статье мы сосредоточим внимание на первых двух пунктах.

Революционные преобразования с настоятельностью требовали преобразования всех сфер общественной жизни. Любого рода «отклонения», «пережитки проклятого прошлого», будь то частное предпринимательство, религиозные верования или кочевой образ жизни, вызывали негативную реакцию и стремление их изменить в сторону унификации. Импульс преобразований, данный революцией в октябре 1917 г., распространился по всей стране, захватил все регионы, все этнические группы, проживающие на ее территории. Волны, кампаний направленных на подъем национального самосознания и развитие национальной культуры, перемежались с акциями по борьбе с шовинизмом и национализмом. Эти закономерности можно проследить и на примере цыган. Следует отметить, что методы государства менялись не только в связи со смещением акцентов в идеологической доктрине, но по более прозаической причине: предшествующие мероприятия оказывались малоэффективными. Именно поэтому в очередной раз приходилось «усилить», «углубить», «ликвидировать прорыв» и т. п.

Цели, которые преследовало государство при переводе кочевников на оседлый образ жизни, исследователи подразделяют на *идеологические, экономические и административные*.

Наиболее масштабные стратегические цели были связаны с декларацией построения основ социализма в СССР, с политикой форсированного перевода кочевников на оседлый образ жизни. Эти лозунги вовлекали в активное государственное регулирование значительные массы населения,

прежде всего жителей Средней Азии. В этой связи деятельность в отношении цыган носила периферийный и дополнительный характер.

Говорить о специальном – сугубо «цыганском» – направлении политики государства можно лишь в более поздний период (середина 1930-х гг.), когда стали обсуждать вопрос о создании специального «цыганского района». По всей видимости, такая постановка вопроса была вызвана неэффективностью мероприятий властей, которые они осуществляли в отношении цыган, руководствуясь опытом мероприятий перехода на оседлый образ жизни иных кочевых народов.

В рамках решения национального вопроса ставилась цель выравнять уровень развития различных социальных групп, обеспечить подъем культурного уровня кочевых народностей, создать условия для формирования национальных образовательных учреждений и национальной письменности и т.д. Ликвидация неграмотности служила основой для полноценной идеологической работы среди населения.

Цели государства в духе господствующей идеологии достаточно четко сформулированы Н.И. Платуновым. «Партия и правительство считали, что те народы, которые стоят на более высоком уровне цивилизации, должны оказать всестороннюю помощь отсталым, малым народам в ускорении темпов социалистического переустройства их образа жизни. Нельзя было согласиться с тем, чтобы в СССР одновременно сосуществовали социалистические отношения у передовых наций и патриархально-родовые отношения у малых отстающих народов, чтобы одни народы пользовались благами социалистической цивилизации, а другие бы из-за культурной отсталости и укоренившихся родовых привычек и обычаев были бы их лишены»¹¹.

Экономические задачи заключались в стремлении государства заселить пустующие территории; исключить существование мелкотоварного уклада в среде цыган, частного предпринимательства, которым они традиционно занимались. В условиях плановой экономики и централизованного распределения ресурсов существование частного сектора было нежелательным явлением.

Административная задача могла сводиться к следующему: унифицировать систему расселения населения, в полном объеме реализовать институт прописки, исключить вероятность неконтролируемого перемещения граждан. Несомненно, ставилась также цель снизить уровень криминала в ареалах расселения цыган. По сравнению с императорской Россией сфера легальной деятельности цыган (хоры, продажа лошадей, гадание) резко сужалась. В условиях централизованно-плановой экономики, при наличии хронического дефицита товаров широкого потребления и при отсутствии возможности легальной частной предпринимательской деятельности цыгане продолжали заниматься её нелегальными видами,

совершая преступления. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время, совсем в иной ситуации, когда при относительной насыщенности потребительского рынка цыгане вынуждены искать новые экономические ниши, к сожалению, сосредоточивая свое внимание на наиболее доходном и нелегальном бизнесе.

Политику в отношении цыган прежде всего следует рассмотреть в контексте *переселенческой политики государства*.

Проблемы переселенческой политики в целом рассмотрены в монографии Н.И. Платунова. В его работе справедливо проводится разграничение промышленного и сельскохозяйственного переселения: «Плановое оседание кочевников советская власть осуществляла в тесной связи с коллективизацией и индустриализацией, выражалось оно как в форме сельскохозяйственного, так и промышленного переселения. Но поскольку промышленное переселение проходило неорганизованно, по личной инициативе каждого и осуществлялось на основе общесоюзного законодательства, а заботу об устройстве брало на себя заинтересованное предприятие, то наибольшее внимание национальные органы советской власти уделяли сельскохозяйственному устройству оседания кочевников и полукочевников»¹².

В организации промышленного переселения цыган не требовалось централизованного государственного вмешательства. Оно осуществлялось на индивидуальной основе, без ярко выраженной этнической специфики. Производственные коллективы были достаточно крепки, чтобы включить в свой состав новичков. Предприятия имели необходимый набор социальных объектов, позволяющих полноценно включить цыган в производственный процесс (система ученичества, общежития, столовые, детские сады, общественные организации).

Отраслевой принцип управления экономикой предопределял ситуацию, при которой предприятия брали на себя не только производственные, но и социальные функции, в т. ч. обеспечение жильем и «соцпакетом». Именно поэтому промышленное переселение носило более локальный характер. Со стороны кочевников – единицы, со стороны промышленности – отдельные предприятия, заинтересованные в привлечении дополнительных рабочих рук и имеющие для этого определенный набор ресурсов. Возможно, сказывалась и имеющая вековую историю, традиция отходничества.

Социальная адаптация на производстве происходила более успешно. Поэтому при обсуждении перспектив переселения цыган заведующий национальным отделом Днепропетровского облисполкома Билявский высказывал следующие опасения: «Можно сказать, что мы несколько увлекаемся переселением цыган. В моей практике сами цыгане не просят о переселении, а хотят устраиваться на завод»¹³.

Есть примеры активного использования цыган в производстве, в частности на строительстве Уралмашзавода (они работали возчиками и параллельно занимались барышничеством лошадьми). Цыган-резмигрантов, прибывших в послевоенные годы из Харбина, также направляли на производство. Однако в массовом порядке обеспечить занятость цыган в промышленности не представлялось возможным, поэтому приоритетным считалось аграрное переселение, в форме создания *цыганских колхозов*.

Земледельческое переселение вовлекало во взаимодействие, с одной стороны, земледельческие общины, семьи, роды – как производственные ячейки аграрного сектора хозяйства, с другой – государство, которое являлось собственником земельного фонда. Наделение земель, которая находилась в государственной собственности, было в компетенции государственных органов власти. Землеустройство – государственная прерогатива. Это предопределяло более масштабные и глобальные процессы, требовало выработки государственной переселенческой политики, создание специальных органов для организации этого процесса.

Непросто было, например, включить в состав существующего колхоза одного человека (вспоминается фильм «Цыган») или даже семью, и совсем другое – выделить земельный участок, достаточный для создания нового цыганского колхоза. Государство шло на уступки цыганам, создавая колхозы по национальному признаку, т. к. цыгане хотели работать уже сложившимися коллективами (таборами), которые формировались на основе родственных, патриархальных связей.

К этому следует добавить, что наделение цыган землей было не единственной проблемой государства. Значительная масса цыган являлась «пролетариями» если не по критерию вида деятельности, то по «отношению к средствам производства», т. е. полному их отсутствию. Как следствие, цыганские колхозы предстояло обеспечить не только землей, но и всеми необходимыми для ее обработки ресурсами. Предполагалось, что государство на льготных условиях предоставит рабочий и продуктивный скот, орудия труда, наладит обучения, поможет специалистами, а также организует систему управления новым колхозом.

Рассчитывать на собственные средства цыган – будущих колхозников – не приходилось. Такие объемы капиталовложений были возможны лишь в рамках государственных программ и не под силу лишь одному предприятию.

В отличие от прочих переселенцев, цыгане получали земельные участки в уже освоенных районах. По соседству, как правило, находились села с представителями титульной нации. Земельные наделы, которые выделялись для создания цыганских колхозов, зачастую не входили в переселенческий фонд. Как правило, это были пустующие земли бывших

совхозов. На этой базе предстояло создать все элементы производственной и социальной инфраструктуры, которые были либо в разрушенном состоянии, либо отсутствовали вообще. Все это требовало существенных затрат со стороны государства.

Так, например, в Уральской области к землям переселенческого фонда относилась полностью или выборочно территория следующих округов: Троицкий, Курганский, Ишимский, Тюменский, Ирбитский, Тагильский и Тобольский¹⁴. При этом колхозы были созданы в Пермском (Чернушинский район) и в Сарапульских районах Уральской области.

Территориальный охват также был намного шире, т. к. аграрное переселение было вызвано неравномерным распределением населения по всей территории страны и разнообразием качественных и количественных характеристик земельного фонда различных регионов.

Таким образом, в план конкретных мероприятий государства входили две задачи: землеустройство и создание инфраструктуры новых хозяйств, населенных пунктов, или, в терминологии тех лет, «точек оседания».

Землеустройство – в случае, если оно осуществлялось в слабо освоенных и недостаточно изученных районах, – требовало затрат на проведение почвенных обследований, мелиоративных и гидротехнических работ, осуществление обмеров и разграничения территории с уже существующими хозяйствами.

Более затратной являлась задача создания (порой – с «нуля») объектов инфраструктуры начиная с дорог и колодцев и заканчивая школами и больницами. Дома, зернохранилища, скотные дворы, сараи, кузницы, бани, школы, больницы, колодцы, избы-читальни, детские сады, дороги...

Самые существенные капиталовложения были осуществлены на национальных окраинах государства. Десятки миллионов рублей государственных средств шли на создание новых поселков в степях Казахстана, Киргизии, в других автономных республиках и областях СССР. Около 70 % кочевого населения страны размещалась на территории Казахстана¹⁵.

Однако опыт перевода на оседлый образ жизни, полученный в Средней Азии, не мог непосредственно быть применен к цыганам, т. к. имелись весьма существенные отличия.

Кочевание цыган не было связано с определенными производственными процессами или сезонными сельскохозяйственными циклами. Их маршруты постоянно менялись в зависимости от целого ряда обстоятельств, порой исключительно субъективных. Как следствие, цыгане, в отличие от кочевников-скотоводов, вообще не были привязаны к какой-либо территории.

Н.И. Платунов считает, что способ нахождения средств к существованию определяет образ жизни цыган: попрошайничество, гадание, орга-

низация увеселительных зрелищ, случайные заработки, перепродажа лошадей, шулерство, обман, воровство и т. д. Автор делает вывод, что при таком роде занятий цыгане не могли долго оставаться на одном месте¹⁶.

Наличие криминальной составляющей приводило к тому, что «клиентская база» цыган не могла быть неизменной. Действительно, приходилось либо менять место жительства и искать новые территории, либо селиться в крупных городах.

Однако политика государства в 1920 – 1930-х гг. была ориентирована на сельскохозяйственное переселение, а города в качестве места оседания стали рассматриваться лишь в 1950-е гг.

Сравнивая оседание кочевников-скотоводов в Средней Азии с переходом цыган на оседлый образ жизни, Платунов считает, что процесс в отношении цыган протекал более трудно и требовал больше времени¹⁷. С этим мнением солидарны и специалисты, которые занимались в своей практике решением проблемы оседания цыган¹⁸.

Рассмотрим комплекс вопросов, которые носили весьма специфический характер и были вызваны особенностью самого объекта управления – цыган.

Как правило, первой называлась проблема чисто информационная. У управленцев различного уровня отсутствовала информация о количестве цыган, их месторасположении, о ситуации в том или ином цыганском таборе, об общих принципах его устройства. Этим отчасти можно объяснить и недостатки государственной политики в отношении цыган.

Проблема точного учета цыган была вызвана их чрезвычайной мобильностью, отсутствием выявленных закономерностей в маршрутах кочевания. Отмечалось также, что «цыганами» часто называют самые различные группы, отличающиеся по языку, гражданству, стране происхождения, видам деятельности и т. д.

В докладе секретаря Совета национальностей ВЦИК Хацкевича, с которым он выступил на совещании, посвященном трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган (январь 1936), приводятся данные о численности цыган в СССР. Ссылаясь на перепись 1926 г., он называет цифру 61 294 человека. Однако представитель Отдела национальностей ВЦИК Такоев приводит данные о 80 тысячах, а представитель Наркомзема Воронин приводит иные данные – 41 тысяча человек. На самом деле, точными данными не обладал никто. Сам Хацкевич оговаривается, что данные переписи не являются точными. Во-первых, «кочующее население не поддается точному учету»; во-вторых, «возможны и случаи нежелания выявить себя цыганом, могла иметь место боязнь самоопределиваться», и в-третьих, «значительное количество цыган уже ассимилировалось»¹⁹.

Действительно, в целом ряде публикаций тех лет приводятся данные Всесоюзной переписи 1926 г. В соответствии с ними цыган по Союзу ССР насчитывалось 61 229 человек (30 309 мужчин и 30 925 женщин), из них на территории РСФСР проживало 40 943 человек. Из общего числа цыган 79,0% проживало в сельских местностях и 21,0% – в городах. Эти данные приводит в своих статьях, опубликованных в 1932 г., М. Бриль, при этом автор сразу же делает ряд оговорок, которые ставят под сомнение полноту и достоверность данных: «Эти цифры следует считать сильно преуменьшенными, ибо переписью не удалось охватить огромное большинство кочующих цыган, а во многих губерниях при переписи цыган относили к “прочим” народностям, без особого выделения. Кроме того, после переписи прошло пять лет»²⁰.

На совещании при Совете национальностей ВЦИК в выступлении заведующего национальным отделом Днепропетровского облисполкома Билявского приводится такой факт: «Часто в паспорте цыган написано, что он украинец или русский, при опросе узнаешь, что при выдаче паспорта им отказали вписать их национальность, возможно, что часть из них умышленно старалась скрыть свое происхождение»²¹.

Неоднократные запросы на уровень областей и районов с требованием предоставить информацию о количественном составе кочующих в пределах территории цыганских семей, как правило, удовлетворялись не в полной мере. В ответах содержалась самая приблизительная информация либо сведения о том, что «оседлых цыган в районе не имеем, а кочующих учесть не представляется возможным».

В апреле 1936 г. Отдел национальностей ВЦИК РСФСР разослал запрос с просьбой «срочно сообщить сведения о количестве кочующих, а также живущих оседло, но не трудоустроенных цыган на вашей территории». Аналогичный запрос был послан в Свердловский облисполком²², который, в свою очередь, транслировал директиву на уровень районов.

Наиболее типичные ответы с мест сводились к следующему: «По данным переписи населения оседло живущих цыган на территории Кунгурского района нет. А кочующих во время летнего периода бывает от пяти до десяти семейств. Откуда прибывают в наш район, нам неизвестно...»²³.

Другой, более подробный вариант ответа содержал следующую информацию: «По существу вашего запроса сообщаем следующее. На территории Режевского района живущих оседло цыган нет. А в апреле месяце 1936 г. проезжали пять семей по селам, после чего выбыли, неизвестно куда. Данные семьи прибыли из деревни Доевой Алапаевского района, последнюю зиму жили в д. Доевой... После чего выбыли, неизвестно куда». Данная информация была предоставлена заместителем начальника районного НКВД, сержантом госбезопасности²⁴.

Сведения в облисполком шли за подписью и сотрудников исполкомов, и представителей правоохранительных органов. При этом сведения последних были более исчерпывающими. Можно сделать вывод, что цыгане по традиции являлись объектом пристального внимания именно правоохранительных органов, т. к. в их ведении находилась их регистрация.

Начальник Тагильского городского отдела НКВД, лейтенант госбезопасности, сообщал следующее: «...Живущих оседло цыган на территории Нижнетагильского района не имеется. Проживание цыган (кочующих) наблюдается ежегодно, примерно семей от 5 до 10, приезжают обыкновенно летом, проживая месяц-полтора, располагаясь недалеко от города Тагила, временно занимаются работами на разных работах – мужчины, женщины занимаются поборами среди сельского населения. В данное время на территории района проживают в 25 километров от города (с. Лая) четыре семьи и две одиночки, всего 10 человек. Прибыли из Махневского района в первых числах июня месяца с. г., работают на кирпичном заводе и в то же время занимаются поборами»²⁵.

Итоговая сводка по области выглядела следующим образом: «Данные о количестве кочующих и оседлых, но не трудоустроенных цыган имеются в облисполкоме по 43 районам области и Коми-Пермяцкому округу. Учтено следующее количество кочующих цыган: в Карагайском районе 8 семейств (20 человек), оставшихся в районе проездом в Кировский край, в Чернушинском районе – 7 семейств, в Красноуфимском районе – 21 семейство (112 человека), поселившееся проездом из Златоуста, в Кисертском районе – 3 семьи. Оседлых нетрудоустроенных цыган не имеется. Кроме того, в Красноуфимском районе Свердловской области имеется организованный в 1933 г. колхоз “Красный Восток” с 19 семействами (86 человек). Сведения о кочевых и нетрудоустроенных цыганах по остальным районам будут предоставлены дополнительно»²⁶. Очевидно, что исчерпывающей информацией не обладал никто.

Отсутствие информации – это постоянно звучащая в отчетах причина, по которой управление процессом перевода на оседлость осложнялось или делалось практически невозможным. Проведение исследований в планах мероприятий не значилось. Только лишь в случае невыполнения поставленных задач в уже созданных цыганских колхозах на места направлялись инструкторы Отдела национальностей и проводили анализ ситуации, ликвидировали «прорывы». Это вмешательство носило административный характер, больше походило на ревизорскую проверку, чем на исследование и анализ ситуации. Однако именно отчеты инструкторов Отдела национальностей облисполкома представляют наибольший интерес и содержат развернутую информацию о существовавших цыганских колхозах.

Авторы статей отмечают еще одну особенность – *неоднородность* цыган по правовому статусу, видам деятельности и языку. Цыгане делились на две основных группы – советские граждане и иностранцы. К первым относились «цыгане, кочевавшие десятки лет в пределах бывшей царской России и кочующие поныне на этой территории. К иностранным цыганам относятся латышские, польские и австрийские цыгане, с одной стороны, и румынские, сербские, болгарские и греческие, с другой. Это деление иностранных цыган на две части вызывается тем, что латышские, польские и австрийские цыгане по своей речи близки к русским цыганам, понимают одни других и занимаются в основном тем же, что и русские цыгане, т. е. барышничеством лошадьми. Румынские, сербские, болгарские и греческие цыгане имеют совершенно иное наречие, с русскими и другими иностранными цыганами объясняться на своем языке почти не могут и занимаются в основном ремеслами: они лудильщики, кузнецы и слесари. Иностранные цыгане кочуют в пределах Советского Союза со времен империалистической войны»²⁷.

Одна из причин неудач государственных мероприятий, на наш взгляд, кроется в том, что у руководителей среднего и низшего звена, т. е. непосредственных исполнителей, отсутствовала информация о внутренней жизни общины. Как следствие – стремление к унификации процесса перехода на оседлость, использование приемов и методов, заимствованных, например, из среднеазиатских республик.

Следующей особенностью, которая выделяла цыган из общего ряда переселенцев и потенциальных колхозников, являлась совершенно особая *культурная среда*, в которой они обитали. В то время речь велась о «пережитках прошлого», тех чертах уклада цыган, которые имели ярко выраженный негативный характер, но приписывались исключительно досоциалистическим формам общежития.

Официальную и достаточно эмоциональную оценку положения цыган на уже упомянутом совещании при Совете национальностей ВЦИК дал Хацкевич. Он оценивал цыган как одну из самых распыленных и неустроенных народностей: «Общая всемирная история цыган самая дикая, самая кровавая, самая проклятая, пожалуй, из всех историй всех народов. Цыгане – по преимуществу кочующий народ; вследствие создавшихся особых исторических условий цыгане очутились в исключительно тяжелом общественном и бытовом положении. Среди цыган еще и до сих пор живут остатки родового строя, с властью вожakov-старейшин».

Далее он описывает все ужасы, которые претерпевали и претерпевают цыгане в странах капитала. Современное состояние цыган рисуется им исходя из противопоставления с царским режимом. Девиантное поведение цыган оправдывалось, т. к. рассматривалось как ответная реакция на политику царских властей. После революции, по мнению докладчика,

ситуация меняется, национальные меньшинства приобрели право на управление государством, право на труд: «Для цыган стали доступными фабрики, заводы, земля; работа на производстве и в сельском хозяйстве. Однако в силу особо тяжелого наследия прошлого цыган, в силу укоренившихся у них рабских привычек среди части цыган наблюдается непонимание и недоверие к мероприятиям, которые проводятся советской властью в целях улучшения жизни трудящихся цыган. Поэтому наша задача – всячески помочь трудящимся цыганам ликвидировать пережитки их тяжелого прошлого и перейти к трудовой культурной жизни»²⁸.

Отметим, что само слово «цыган» носило (пожалуй, и сегодня носит) эмоционально окрашенный характер. Поэтому при упоминании об объекте обсуждения неизменно подчеркивалось, что речь идет о «трудящихся цыганах». Аналогичная ситуация складывалась в советской лексике применительно к таким понятиям, как торговля. Снабженная определением «советская», она автоматически приобретала позитивный и идеологически безупречный вид.

Официально декларируемый интернационализм не позволял доминировать, по крайней мере – в публичных выступлениях, бытовым предрассудкам, которые объявлялись буржуазными. Так, Хацкевич заявляет: «...Цыгане довольно быстро переходят к трудовой, культурной жизни. Все буржуазные и обывательские разговоры и рассуждения о том, что цыгане не способны к труду, не способны к “культурной” жизни, опровергнуты тысячами примеров и показов на деле»²⁹.

Однако как реальные факты, так и груз предубеждений формировали негативный образ цыган. Если вы сделаете над собой усилие, то вспомните, как ваша мама в детстве пугала вас тем, что если вы не будете слушаться, то цыганка заберет. Об этом же пишет и Андрей Полонский³⁰. В литературе приводятся более одиозные примеры: «В Сталинградском районе классовый враг распускал слухи о массовой пропаже детей, якобы употребляемых цыганами для варки мыла»³¹.

В протоколе общего собрания кочевых цыган (август 1932), находящегося в районе смоленского аэродрома, находим следующее высказывание: «Мы, кочевники-цыгане, раньше жили в Польше, в 1915 году выехали в Россию, нам было хорошо в Польше, а в настоящее время плохо; мы голодные и холодные, находимся в этих кустах, нам нигде нет места, милиция нас гоняет, цыгана считают, что он вор»³².

Пример газетных публикаций тех лет приводится в коллективной монографии: «Несколько цыганских семей, – пишет корреспондент, – оставались на зиму в селе Большая Орловка (Мартыновского района Ростовской области). Если в каком-либо колхозе обнаруживалось воровство сена, зерна или птицы, представители районной милиции производили поголовный обыск у цыган.

– Кто же еще может украсть, как не они, – рассуждали работники милиции.

Между тем обыск у цыган в большинстве случаев ничего не давал. При более тщательном расследовании обнаруживалось, что расхитителями были не цыгане»³³.

Подобные примеры не означают, что цыгане не занимались запрещенными видами деятельности, но они свидетельствуют о сложившемся стереотипе.

Сила традиции, с одной стороны, консолидировала цыган, а с другой – дистанцировала их от окружающего мира. Изолированность цыган основывалась как на неприятии их со стороны основной массы населения, незнании, порой страхе, т. е. была предопределена внешней средой, так и культивировалась внутри самой общины. Она являлась реакцией на недружественную, порой агрессивную внешнюю среду, что, в свою очередь, позволяло консервировать сложившийся жизненный уклад. Замкнутость позволяла выживать.

Более древний, патриархальный, но выдержавший проверку временем цыганский уклад стремился к самовоспроизводству, отторгал новации, а в случаях, когда это угрожало его существованию, проявлял чудеса гибкости и адаптировался к новым условиям. Действительно, стоит задуматься над тем, почему традиционный уклад либо его отдельные черты сохранились до наших дней? Каковы причины этого? Негативного или позитивного плана предпосылки способствовали сохранению, консервации культурного и хозяйственного уклада? Ответы на эти вопросы, к сожалению, выходят за рамки данной статьи.

На наш взгляд, этот аспект темы в большей степени может быть отнесен к культурологическим проблемам. Но несомненно, что такое явление, как цыганская община, которая в различных условиях, при самых разнообразных социально-политических и экономических моделях сохраняет элементы самобытности, заслуживает изучения.

Еще одно отличие от практики оседания кочевых народов демонстрирует процесс создания цыганских колхозов. Переселение не сопровождалось переходом от одного вида производственной деятельности к другой. Например, от пастбищного скотоводства к стойловому либо к земледелию. Происходил переход к совершенно новому для цыган виду деятельности – земледелию, кустарно-ремесленному или фабричному производству, строительству. При этом взрослым, порой даже пожилым людям приходилось осваивать совершенно не известные ранее специальности.

В докладной записке инструктора орготдела Свердловского облисполкома Романенко, составленной по итогам обследований колхоза «Красный Восток», приводятся слова ударника Федора Максимова: «Мы

учимся работать. Мне, – говорит, – 65 лет, а я первый год (возможно, следует читать «раз». – А. К.) в жизни беру серп в руки...»³⁴.

Аналогичная ситуация складывалась и в других колхозах. Представитель из с. Нойбах Куйбышевского края Егоров отмечал: «В начале цыгане совершенно не знали, как работать, и каждого буквально приходилось водить за бороной и сеялкой, теперь часть цыган работает хорошо»³⁵.

В качестве еще одной причины, обуславливающей специфику оседания цыган, Н.И. Платунов называет *социальное расслоение* внутри общины. При этом верхушка табора, по его мнению, являлась носителем традиций, которые использовались в корыстных целях. Они, по его мнению, являлись основными противниками перехода на оседлость. Интересы цыганской бедноты противопоставлялись интересам зажиточных слоев: «Советской власти предстояло высвободить забитую бедноту из-под влияния старейшин таборов и главарей воровских групп»³⁶. В качестве аргумента автор приводит слова инспектора Всесоюзного переселенческого комитета А.В. Рыкова: «Считаю, что деятельность кулаков из цыган, из бывших вожаков цыганского табора, главарей воровских дел и т. п. особенно опасна для строительства национальных цыганских колхозов... Еще крепко сидит старая традиция – не выдавать соучастника в воровских и прочих делах. За такую выдачу ранее следовала жестокая кара – самосуд. Пережитки этих навыков очень сильны еще на данный момент...»³⁷.

Подобного рода толкование событий содержится и в обследовании цыганских колхозов на Урале: «...В данное время председателем колхоза “Неви бахт” [является] т. Максимов, который вступил на место бывшего председателя т. Золотарева. Первым председателем был Карпов. Частая смена председателей вызвана в силу происходящего процесса расслоения внутри колхоза. По мере приобщения к труду кочевников-цыган и быстрее идет процесс расслоения. Особенно ярко это видно на данном колхозе. В начале создания колхозники сами не замечали между собой классовой розни. Спроси в то время цыгана о классовой розни, он ответит: “Да мы, цыгане, все одинаковые, у нас нет классовой розни”. В настоящее время, когда беднота овладевает трудовыми навыками и трудовой дисциплиной, она смелее вступает в борьбу с классовым врагом, что нам и пришлось видеть, находясь в колхозе. В колхозе “Неви бахт” существует два лагеря: зажиточная часть, которую отражал бывший председатель т. Золотарев, и беднота в количестве 12 – 14 семейств, которую отражает новый председатель – т. Максимов. Между прочим, он, Максимов, сам этого не понимает...»³⁸.

Отметим особое внимание, которое уделено при обследовании вопросам «классовой борьбы». Эта позиция согласуется с политикой большевиков, которую они проводили в деревне и которая была направлена

на обострение идеологического противостояния, классовую дифференциацию некогда политически индифферентного сельского населения, предполагала создание комитетов бедноты, которые служили опорой нового строя и детонатором для сил, призванных сломать традиционный уклад.

Применительно к цыганским общинам столь прямолинейный классовый подход, на наш взгляд, отнюдь не продуктивен. Несомненно, социальная, имущественная дифференциации имели место. Но речь идет о специфической социальной иерархии, клановости, основанной на родственных связях. С известной долей условности можно провести параллель с иерархией, существующей в криминальной среде, особенно в группах, построенных на этнических принципах либо землячествах. Руководители табора, настаивая на сохранении традиции, сопротивляясь оседлости, естественно консервировали и собственное верховенство.

Кочевание стоит рассматривать как добровольный, естественный выбор или образ жизни, который сложился под воздействием агрессивной внешней среды. Рассматривать его как способ эксплуатации сомнительно. Очевидно, что кочевание не способствовало значительному обогащению, напротив, именно с переходом к оседлости в цыганской среде началась интенсивная дифференциация. Наиболее зажиточные цыгане еще до 1917 г. перешли на оседлый образ жизни, стали собственниками недвижимости, дали детям образование. «Богатую» верхушку кочующего табора проблематично отнести к буржуазии. Исключительно целями наживы нельзя объяснить сопротивление оседлости. Это действительно сила традиции; сложившийся на протяжении десятилетий, если не столетий, уклад жизни.

Изучение истории отечественного предпринимательства (в торговой сфере, в частности) привело к выводу о том, что в условиях сохранения основных черт традиционного общества наиболее эффективной являлась предпринимательская деятельность в рамках этноконфессиональных групп: татары (мусульмане), русские (старообрядцы), евреи (иудеи)³⁹.

Сохранение самобытности цыган, существовавших в условиях различных общественно-политических и экономических систем, ставит вопрос о механизме этого процесса. Несомненно, хозяйственная деятельность должна играть в этом процессе существенную роль. В чем ее специфика? Эта проблема весьма актуальна. На наш взгляд, при создании определенных условий этот механизм может быть задействован в современных условиях, направлен на легальную созидательную деятельность. При этом неперенным условием выступает сохранение национальных традиций, исчезновение которых не в интересах всего общества, т. к. приводит к обеднению социальной палитры. Это еще одна тема, которая остается за рамками данной публикации.

Переход на оседлый образ жизни цыган сопровождался серьезными изменениями, так как приходилось менять не только полностью сложившийся уклад жизни, но и «место жительства». Районы миграций могли не совпадать с территорией, на которой имелись пустующие участки земли и на которых предполагалось создание колхоза. К этим новациям предстояло адаптироваться. К тому же предполагалось и внедрение новой модели взаимоотношений в рамках колхозного строя. Однако, как отмечается в документах, колхозы являлись таковыми лишь по форме. Внутреннее же устройство (процедура принятия решений, распределение произведенного продукта, межличностные отношения, идеологическая составляющая и пр.) базировалось на традиции. Зачастую в этом видели причину распада «колхозов», но вполне возможно, что именно эти же черты цыганского уклада в то же время позволяли существовать и развиваться «передовым хозяйствам».

Отчеты и докладные записки пестрят примерами «неколхозного поведения» колхозников-цыган. Отмечалось следующее: «Норма выработки в колхозе, ввиду отсутствия трудовых навыков, крайне низка, но и эта норма не выполняется. Этому в значительной степени способствует наличие уравниловки в колхозе: хлеб колхозникам выдается поровну, вне зависимости от количества выработанных трудодней. Трудовая дисциплина в колхозе крайне слаба. На работу собираются очень поздно, бросают ее, когда захотят, многие не выходят на работу». Эта характеристика цыганского колхоза «Цыганская заря» Сталинградского района является типичной⁴⁰.

В подтверждение приведем данные по колхозу «Нацмен» Котельничского района Нижневолжского края: «Организация труда в колхозе во время весенней посевной кампании была поставлена удовлетворительно. Во время сева была организована 1 бригада, которая работала ударно. Во время летних работ норм выработки не было, и труд не учитывался. Вследствие этого получилась полная уравниловка, и доход придется распределить по трудоспособным членам колхоза (в прошлом году распределяли доход по едокам), ибо в табелях не указывали выработку каждого колхозника»⁴¹.

На примере Свердловской области мы видим аналогичную картину, т. к. принцип социализма «от каждого по способностям, каждому по труду» не воспринимался цыганами прямолинейно. Об особенностях распределительных отношений в колхозе «Красный Восток» говорится в отчете, составленном по результатам обследования инструктором Отдела национальностей облисполкома: «Сдельщина, норма выработки, оценка по трудодням – это им совершенно непонятно. Об этих делах они понятия не имеют. Когда они на уборочной работали, все работали вместе. Урожай в количестве 20 пудов распределили тоже поровну, всем одина-

ково, даже они не вешали, а делили ведрами. ...Трудовые книжки не имеются. Работу организует сам председатель, учет ведет тоже сам председатель»⁴².

Отметим, что это обстоятельство не позволяло руководящим организациям иметь достоверную и исчерпывающую информацию о цыганских колхозах.

Двойственность положения бывших кочевников приводила к психологически некомфортной ситуации. С одной стороны, советская власть декларировала необходимость повышения жизненного уровня, всячески, в том числе и материально, стимулировала переход на оседлый образ жизни и, реализуя этот принцип, предоставляла земли, выдавала кредиты, выделяла зерно для посевов и прочее. С другой стороны, руководствуясь классовой позицией и осуществляя борьбу с «кулаком», власть реализовывала уравнилельный принцип, и все «подаренное» тут же «отбирали» в колхоз. Подобное противоречие было характерно для всего аграрного сектора. Однако для кочевников эти процессы были слишком близки друг к другу (порой совпадали) во времени, что создавало еще большую неразбериху в умах.

Переход от родового строя к классовому обществу был связан с более интенсивной имущественной дифференциацией. При переходе на оседлый образ жизни предполагалось нивелировать имущественную дифференциацию – трудодни, уравнилельное распределение и пр. Как следствие, возникало противоречие. Естественно-исторический процесс деформировался, трансформировался, видоизменялся в соответствии с политической советского государства. Налицо стремление форсировать развитие. За столь стремительными изменениями цыгане в основной своей массе не успевали.

Для многих вступление в колхоз давало шанс уйти от нищеты. Практика перевода цыган на оседлость показала, что наибольшую активность при вступлении в колхоз проявляла безлошадная беднота, не имеющая никаких трудовых навыков, а «лошадные» и мастеровые старались устроиться в транспортные или промысловые артели или создать новые⁴³.

Поровну распределяя собранный урожай, цыгане в то же время негативно относились к обобществлению скота, за которым ухаживали индивидуально. Поэтому нередко были случаи «приватизации» коров и лошадей, а отказ отдать в колхоз лошадь сопровождался угрозой уйти из колхоза.

Формы протеста «оседлых крестьян» против коллективизации были весьма ограничены. Цыгане же всегда могли «проголосовать ногами» – сняться с места и исчезнуть в неизвестном направлении, как писалось в отчетах тех лет.

Телефонограмма в Отдел национальностей облисполкома гласила: «21 марта [1935] Рябковский сельский совет сообщает на телефонограмму от 21 марта, что организованный колхоз цыган в деревне Карамарка после обнаружения у них украденной лошади разъехался неизвестно куда»⁴⁴.

Следы «колхозников» обнаружили нескоро. Так, в справке Красноуфимского райисполкома, направленной в облисполком в мае 1936 г., говорится: «Сообщаем, что в Красноуфимском районе осели в колхозе “Красный Восток” в Рахмангуловском сельском совете 25 семей цыган, переехавшие в апреле месяце из Чернушинского района, где они также были в колхозе»⁴⁵.

Все вышесказанное доказывает, что цель перевода цыган на оседлый образ жизни требовала активного вмешательства государства. Необходим был комплекс мер организационного, финансового, административного порядка, которые позволили бы цыганам организовать колхоз. Собственных ресурсов у них не было⁴⁶.

Этим обстоятельством и определяется сложность процесса создания цыганских колхозов. В условиях дефицита ресурсов выделение особой («привилегированной» в плане снабжения) этнической группы представлялось многим руководителям нецелесообразным.

Еще одна проблема принципиального плана нуждается в разъяснении в связи с переходом цыган на оседлость. Какими должны быть колхозы: «национальными» или «интернациональными»? Позиция государства по этому вопросу претерпевала изменения. На начальном этапе доминировала идея *национальных колхозов*. В целом, это отражало общую тенденцию, направленную на поддержку национальных меньшинств. Однако в это время идея создания национальных колхозов в среде кочевников Средней Азии явно не приветствовалась. Таким образом, осозная ограниченность своих возможностей, власть шла на уступки цыганам. Декларировалось стремление властей создать именно национальные колхозы с доминированием в общем составе и руководстве цыган. Это делало безальтернативным замещение руководящих постов в новой организации. Однако в целом у цыган отсутствовали навыки аграрной, управленческой, учетной, в том числе финансовой деятельности, и, как следствие, большинство хозяйств демонстрировало неэффективность работы.

Как вариант перехода цыган на оседлость рассматривалась возможность включения цыганских семей в состав русских либо инонациональных колхозов. Этот вариант наталкивался на массу психологических проблем, однако организационные и хозяйственные задачи в этом случае решались более эффективно. Существовала взаимная подозрительность, порой основанная на незнании и господстве стереотипов в отношении инонациональной группы, порой порождающих агрессию.

Так, например, отстраненный от управления председатель цыганского колхоза (по национальности цыган) основную причину падения производства видел именно в том, что руководят колхозом русские. «Никто... не идет сейчас в колхозники. Не знают, сколько достанется хлеба на трудодень и сколько они сняли урожая. Колхозом руководит три человека русские, председатель Еремеев. Эти три человека ездят в РИК и руководят, а цыганы ничего не знают... Как раньше было, я, Волков, руководить ничем не могу. Потому что я снят РИКом, хотя я оправдан, но РИК не выносит постановления о том, чтобы я руководил колхозом, и никто из РИКа два месяца не приезжал»⁴⁷.

Суть возбужденного уголовного дела состояла в том, что председатель колхоза распорядился разобрать колхозных коров (11 голов) по домам, так как в колхозе не было условия для их содержания, строительство скотного двора затягивалось. Власти усмотрели в этом факт разбазаривания колхозной собственности и возбудили уголовное дело. В период расследования председатель был отстранен от своих обязанностей, а заменившие его русские не могли организовать цыган, которые просто стали разъезжаться.

В целом, по экономическому положению и хозяйственно-организационному уровню цыганские колхозы, по мнению работников переселенческих организаций, были слабее русских: «Общий вывод о колхозниках-цыганах такой: живут они лучше кочевников, но хуже других колхозников (русских), и потому им требуется помощь людьми, организаторами и средствами»⁴⁸.

Однако впоследствии позиция государства в отношении национальных колхозов меняется. В своем заключительном слове на совещании при Совете национальностей ЦИК СССР Хацкевич критикует тех выступающих, кто настаивает на создании колхозов исключительно по этническому принципу. При этом он обосновывает свою позицию следующим образом: «Относительно национального момента в этом вопросе. Некоторые товарищи говорили здесь о том, что цыганское предприятие должно быть исключительно для цыган, цыганский колхоз должен состоять только из цыган. Это постановка не наша, мы так не должны рассуждать. Разве можно говорить о недопуске в цыганские артели или колхозы людей других национальностей, в частности русских? Мы все должны помнить, что именно русский пролетариат свергнул царизм и освободил от капиталистического ига и колониального угнетения все национальности. Именно благодаря этому на основе ленинско-сталинской национальной политики у нас, в Советском Союзе, все нации равны, все нации суверенны, имеют одинаковое право на активное участие в социалистическом строительстве... В этом величайшая заслуга русского пролетариата перед всеми национальностями. Сейчас речь идет лишь о том, чтобы вырвать

цыган из той “ямы” прошлого, в которой цыгане в значительной части находятся и сейчас, вырвать для того, чтобы приобщить их к трудовой, культурной жизни наравне с другими национальностями Советского Союза. Если вы нам скажете, что с цыганами поступают несправедливо, вытесняют их с завода, из колхоза, мы будем немедленно и решительно на это реагировать. Но если вы говорите, что промышленное предприятие или колхоз должны быть исключительно для цыган, то это неправильно»⁴⁹. Хацкевич намеренно заостряет вопрос, т. к. «недопуск» русских в цыганские колхозы был практически невозможен (русских использовали в качестве специалистов, в частности бухгалтеров).

В целом, в конце 1930-х гг. региональная и национальная специфики все более нивелируются по мере развертывания процесса коллективизации деревни. *Идея коллективизации* подминает под себя идею национального самоопределения, делая декларативными заявления о защите интересов национальных меньшинств.

Отметим, что больших успехов в социальной адаптации цыган достигали там, где шли по пути их ассимиляции. Отдельные цыгане, «выключенные» из системы общины или большой семьи, в короткие сроки адаптировались к работе на предприятиях, главным образом в промышленности и в городах. Там же, где предусматривалось сохранение общины, например в сельском хозяйстве, речь шла именно о создании национальных цыганских колхозов, построенных на сохранившихся семейных, патриархальных связях с ярко выраженной национальной составляющей, там эти проблемы множились.

Лишь в 1956 г., с организацией в городской черте цыганских поселков, удалось зафиксировать, «перевести на оседлый образ жизни» цыган. Однако, как свидетельствует современная практика, это не решило целого ряда проблем.

Сложившаяся де-факто ситуация с переходом цыган на оседлый образ жизни была оформлена де-юре в соответствующих нормативных актах. Их было не так много, но они демонстрируют изменение, детализацию политики государства в отношении цыган.

На сегодня нам трудно судить о том, что послужило конкретным поводом для принятия правительственных решений, но 1 октября 1926 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». В нем предлагалось: «Принять меры к первоочередному льготному наделению землей цыган, желающих перейти к оседлому образу жизни. В случаях отвода земли цыганам в сельских местностях на цыган распространяются все льготы, установленные для переселенцев, причем условия и порядок выдачи ссуд цыганам, желающим перейти к оседлому образу жизни, определяются законодательством союзных республик»⁵⁰.

Данное постановление насколько кратко, настолько же и декларативно. В реальной практике возникала масса вопросов, решать которые приходилось по ходу дела. Однако именно оно сформировало правовую базу для создания первого цыганского колхоза. Не случайно он возник на территории Алма-Атинского района Казахстана, региона, где был накоплен определенный опыт по переходу кочевников на оседлый образ жизни. Первый цыганский колхоз, в который вошло 27 кочующих цыганских хозяйств, появился по инициативе цыгана-орденоносца А.И. Вишневецкого в 1927 г.⁵¹

При переселенческом отделе НКЗ РСФСР Постановлением президиума ВЦИК от 30 августа 1926 г. была образована комиссия по земельному устройству трудящихся цыган. В её состав входили представители НКЗ РСФСР, Отдела национальностей ВЦИК и Всероссийского союза цыган⁵².

Для получения сведений, необходимых для составления плана земельного устройства трудящихся цыган, о количестве семей цыган, желающих перейти на землю, Отделом национальностей ВЦИК 29 ноября 1926 г. центральным комитетам автономных республик и областей, губернским исполкомам был разослан циркуляр, который предписывал к 1 января 1927 г. представить исчерпывающие сведения по этому вопросу. Было предложено стремиться к «наивозможно более полному освещению вопроса о материальной и имущественной обеспеченности цыган и имеющих у них денежных средствах»⁵³. Сведения об имущественном положении требовались в связи с тем, что НКЗ РСФСР установил определенный минимум материального имущественного обеспечения, которым должна была располагать каждая семья переселенцев. По различным районам сумма составляла от 600 до 900 рублей на семью.

Реализация этого циркуляра была возложена на административные отделы, и фактически «обследование» осуществлялось через органы милиции. Визит милиционера мог вызвать совершенно предсказуемую реакцию: «Вполне понятно, что если без предварительного разъяснения приходили в табор представители милиции для детального «освещения вопроса о материальной и имущественной обеспеченности цыган и имеющих у них денежных средствах», то цыгане в лучшем случае отказывались от перехода на землю, а в худшем – немедленно снимались всем табором и перекочевывали в другие места». Итоги данного мероприятия были весьма скромными. Всего 432 семьи цыган выразили желание перейти на оседлый образ жизни и заняться земледелием⁵⁴.

В развитие постановления ВЦИК и СНК СССР 1926 г. на республиканском уровне 20 февраля 1928 г. был принят соответствующий нормативный документ «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни». В нем более детально были определены полно-

мочия соответствующих исполнительных органов власти и гарантированы льготы переселенцам. В постановлении, в частности, говорилось:

Обязать земельные органы наделять во внеочередном порядке цыган, желающих перейти к оседлому образу жизни и занятиям сельскохозяйственными промыслами, землей из свободного земельного фонда по местной трудовой норме, как для обработки, так и для устройства усадебной оседлости.

Заявления цыган о желании получить земельные наделы для сельскохозяйственной обработки подаются цыганами в земельные органы по месту своего нахождения.

При отсутствии свободного земельного запаса для наделения землей по месту подачи заявления оказывать цыганам, заявившим о желании получить земельный надел, содействие их земельному устройству в общем порядке переселения.

Во всех случаях отвода земли цыганам для сельскохозяйственной обработки распространить на них льготы, установленные для переселенцев законодательством Союза ССР и РСФСР.

Плату за землеустройство участков, отводимых переходящим к оседлости цыганам, относить на счет ассигнований из государственных средств по сметам народных комиссариатов земледелия РСФСР и автономных республик.

Предоставить народному комиссариату земледелия РСФСР издавать необходимые инструкции по применению настоящего постановления с тем, что народным комиссариатам земледелия автономных республик предоставляется право вносить в эти инструкции дополнения и изменения, вызываемые бытовыми особенностями этих республик⁵⁵.

Потребность в детальных инструкциях действительно имелась. Так, например, Смоленское областное земельное управление уточняло, что цыгане не пользуются исключительным правом на получение земли: «Цыгане, желающие вести индивидуальное хозяйство, наделяются землей после того, когда будут удовлетворены заявки объединений всех категорий. Поэтому наделение землей цыган в индивидуальном порядке допустимо, но нужно в каждом отдельном случае решать, не нарушает ли такое наделение существующую систему землепользования в данном районе и не нарушает ли участки (крупные), предназначенные для организации социалистического сектора (совхозы, колхозы)»⁵⁶.

Оценивая итоги работы по переводу цыган на оседлость за 5 лет (с 1926 по 1931) исследователи приходят к выводу, что исчерпывающих материалов об этом процессе не существует, а имеющиеся сведения свидетельствуют о крайне незначительной работе. Комиссия, созданная при НКЗ РСФСР, оказалась неработоспособной⁵⁷. Союз цыган к этому времени был ликвидирован.

Данные результаты деятельности властей вступали в противоречие с тем фактом, что цыгане сами выступали с инициативой по созданию колхозов. Видеть в этом явлении исключительно пропагандистский ход вла-

стей, считать публикации в прессе абсолютно недостоверными, на наш взгляд, было бы ошибочно. Естественно, что этот процесс сопровождался пропагандистской кампанией: посылались агитаторы, издавалась литература, даже было снят художественный фильм. Однако, на наш взгляд, пока сама цыганская община не пожелала (или не была вынуждена) инициировать создание колхоза, это мероприятие было бесперспективным. Интерпретацию мотивов такого поведения мы приведем чуть ниже.

Правление Колхозцентра в своем Постановлении от 5 января 1931 г. отмечало, что «...за последнее время имеется большой наплыв ходоков-цыган в земельные органы с ходатайством о наделении их земельными участками для организации коллективных хозяйств. Несмотря на то, что в цыганских массах происходит коренная ломка кочевого образа жизни и стремление переключить себя на трудовые рельсы путем объединения в колхозы, земельные органы и колхозы на местах зачастую проявляют недостаточное внимание к этому делу, не учитывая особенности этой народности». При этом руководители Колхозцентра настаивали на пересмотре постановлений от 1926 и 1928 гг. о наделении цыган земель, которые, по их мнению, «в данный момент, недостаточно полно отражают современные условия жизни, связанные с необходимостью коллективизации цыганских трудящихся масс»⁵⁸.

В апреле 1931 г. НКЗ РСФСР констатировал отсутствие сдвига в переводе цыган на оседлый образ жизни. Местные земельные органы «не только забыли о распоряжении НКЗема, обязывающего указывать в своих годовых отчетах о работе по земельному устройству цыган, но и в никакой мере не выполняется постановление ВЦИК и СНК от 20 февраля 1928 года». В связи с этим предлагалось всем местным земельным органам предоставить информацию о землеустройстве цыган за 1930 г. и впредь выделять это направление работы в своих отчетах. Это было вызвано тем обстоятельством, что статистические данные о количестве цыганских колхозов, показателях их работы были неполными. Так, Колхозцентр в 1931 г. имел сведения о 25 цыганских колхозах в СССР, объединяющих 490 семей⁵⁹.

Дальнейшее нормотворчество шло по пути детализации полномочий, конкретизации сроков и призывало форсировать процесс оседания. В апреле 1932 г. вышло постановление Президиума ВЦИК РСФСР «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган». В нем констатировались определенные успехи, но общий тон документа не был радужным: «Однако из-за недооценки отдельными центральными ведомствами и местными исполкомами и советами значения работы среди трудящихся цыган намеченные мероприятия по их трудовому устройству и социально-культурному обслуживанию не получили надлежащего прак-

тического осуществления». Именно поэтому задачи ведомств были конкретизированы:

1. Предложить НКЗему РСФСР разработать и представить в СНК РСФСР конкретный план землеустройства трудящихся цыган для их компактного заселения, обеспечив это мероприятие отводом земельных участков из государственного земельного фонда и материально-технической базой.

2. Предложить НКЗему и Колхозцентру РСФСР, а также исполкомам и советам:

а) на основе организационно-хозяйственного укрепления существующих колхозов цыган, показа и популяризации их работы усилить вовлечение кочующих трудящихся цыган в колхозы, которые должны явиться инициаторами оседания кочующих цыган. Одновременно с этим развернуть работу по очистке колхозов от классово-чуждых элементов;

б) предусмотреть необходимые мероприятия по хозяйственному укреплению вновь возникших цыганских колхозов (финансирование и кредитование колхозов, обеспечение их семенами, машинами и рабочим скотом);

в) в месячный срок разработать и провести специальные мероприятия по подготовке колхозных работников из среды трудящихся цыган;

г) в 1932 году развернуть мероприятия по вовлечению трудящихся цыган, владеющих ремеслами (кузнецы, лудильщики, шорники и т. п.), на работу в мастерские при МТС и колхозах, приняв меры к повышению их квалификации и к подготовке трактористов из среды трудящихся цыган⁶⁰.

Далее в постановлении говорилось о мероприятиях, направленных на развитие кустарного производства, образования и здравоохранения в среде цыган. На наш взгляд, с момента реализации данного постановления можно говорить о структурированной и целенаправленной политике государства в отношении цыган.

XVII съезд ВКП(б) (январь – февраль 1934) принял второй пятилетний план и поставил задачу завершить коллективизацию. Была определена стратегическая цель – построение социалистического общества в ходе второй пятилетки (1933 – 1937): «Для национальных восточных районов СССР путь к социализму лежал через переход кочевников к оседлому образу жизни и коллективному труду. Поэтому вопросу оседания кочевников придавалось общесоюзное значение. С целью координации и направления всех мероприятий по оседанию кочевников в 1934 г. была создана комиссия ВЦИК по проведению оседания кочевых и полукочевых хозяйств под руководством секретаря ВЦИК А.С. Киселева»⁶¹.

Активизация мероприятий властей демонстрирует проведение совещания при Совете национальностей ВЦИК СССР. На нем подводились итоги проделанной работы. К этому времени по республикам и областям СССР уже было создано свыше 40 цыганских колхозов⁶², обсуждался вопрос о создании национального цыганского района. В частности, говорилось, что эта мера будет способствовать решению накопившихся про-

блем – учета цыган, создания национальных органов управления, позволить бороться с иждивенчеством в цыганской среде.

Представитель Всесоюзного переселенческого комитета Зубиетов рассказал о работе по поиску подходящей территории: «Следовало бы подыскать участок для создания цыганского района. Переселенческий комитет запросил ряд краев и областей относительно возможности выделения участка, на котором можно было бы организовать поселение 30 – 35 тыс. цыган. Южные районы ответили, что свободной земли нет. Горьковский край ответил, что он может предоставить около 70 – 80 тыс. га земель с большими капитальными вложениями. Западная Сибирь ответила, что может предоставить два фонда. Мы поставили перед собой задачу изучить более подробно эти два участка, ибо без обследования трудно сказать, подходят они или нет. Между прочим, мы знаем, что определенное количество свободных земель имеется на Урале, в Сталинградском крае, в Куйбышевском. Затем надо выяснить контингенты цыган, которых надо устроить. Без этих данных трудно приступить к работе по трудоустройству цыган»⁶³.

Представитель Наркомзема СССР Цылько доложил о возможных вариантах месторасположения национального района:

Если сравнивать с буржуазными странами, то в отношении устройства цыган у нас, в СССР, сделано много, но цифры, которые здесь названы, все-таки очень мизерны. Поэтому можно сказать, что работа только началась. Предложение о создании цыганского района я всецело поддерживаю, но вначале, по-моему, следовало бы пойти по линии создания более мелких административно-хозяйственных единиц в составе существующих районов. Тогда цыгане имели бы свое представительство в райисполкоме, свои сельсоветы, свои школы, им была оказана специальная помощь.

Цыгане в силу их тяжелого прошлого нуждаются еще в специальной защите их интересов, о них нужно проявить особую заботу, что и предусмотрено рядом постановлений правительства. К сожалению, места не выполняют эти постановления, цыганам не предоставляются те льготы, которые должны быть им оказаны. Предлагаемые в Западной Сибири фонды не годятся. Цыганам надо предоставить лучшую землю и в хороших климатических условиях. Цыгане более склонны к животноводству, коневодству, свиноводству. Надо подыскать такой район, где можно было бы развивать эти отрасли.

Есть прекрасные неиспользованные земли на Ставропольщине. Затем колоссальное количество неиспользованной земли – в Оренбургской степи. Минераловодский район – прекрасное место для цыган. Можно найти районы в Поволжье, в Куйбышевском крае.

Промкооперация безобразно мало сделала в отношении промыслового устройства цыган. Затем очень многим местным работникам надо указать на недопустимость такого отношения, когда отказывают принять цыган там, где их можно устроить. Неплохо было бы в самом переселенческом комитете создать специальную ячейку по устройству цыган⁶⁴.

Невыполнение уже принятых решений, отсутствие информации о них – об этом говорили на совещании. «Мне кажется, – оценивал ситуацию секретарь Совета национальностей ВЦИК СССР Хацкевич, – что даже не все цыгане знают об этих важнейших постановлениях, не говоря уже о том, что абсолютно недостаточно проверяется исполнение этих законов. Необходимо приветствовать мероприятия правительства РСФСР по созданию территориальных цыганских районов для заселения трудящимися цыганами...»⁶⁵.

Такое решение было предопределено неудачами в организации процесса оседания в масштабах всей страны, в том числе невозможностью точно учесть количество цыганских семей, добиться гармонизации хозяйственных укладов и культурно-бытовых условий жизни цыган и автохтонного, оседлого по большей части, русского населения.

Однако большинство мероприятий, направленных на перевод цыган на оседлый образ жизни, не было доведены до конца. Содержание постановлений носило самый общий характер. Складывается впечатление, что эти документы появлялись на свет по необходимости, как некий ритуал. Можно себе представить недовольное выражение лица управленца районного звена, в руках у которого оказывалось очередное постановление, «спущенное» сверху. Количество и степень сложности проблем, которые ему предстояло решать, были и без того велики, а тут еще... цыгане. Представитель Отдела национальностей ВЦИК Такоев говорил именно об этом: «На местах работа не была поставлена планоно, существует недооценка работы среди цыган. Об этом говорят случаи возмутительного головотяпства, когда не только цыганский колхоз, но и целый сельсовет переселяли без всякой надобности по 2 – 3 раза с одного участка на другой»⁶⁶.

Инструктор Отдела национальностей ВЦИКа по работе с цыганами Иван Петрович Токмаков⁶⁷ основную причину видел в фактическом свертывании финансирования кампании: «За последние 3 – 4 года НКЗемом РСФСР на оседание цыган отпущены следующие суммы: 1932 г. – 300 тыс. руб., 1933 г. – 105, 1934 г. – 103, и в 1935 г. – финансирование прекращено. А колхозов было организовано: в 1932 г. – 2, в 1933 г. – 5, в 1934 г. – 8 и в 1935 г. – 1 цыганский колхоз. Такое положение с финансированием сильно отражается на оседании и трудовом устройстве цыган»⁶⁸.

В 1936 г. шла работа над проектом новой Конституции, декларировавшей построение социализма в СССР. Это заставило форсировать процесс перевода цыган на оседлость. Было решено организовать 17 новых цыганских переселенческих колхозов и активизировать мероприятия по переводу цыган на оседлость. Планировалось в 1937 г. переселить тысячу цыганских семей, из которых 400 должны были приселить в уже существ-

вующие колхозы, а из 600 переселившихся цыганских семей организовать 6 новых колхозов.

В 1936 г. было принято решение о создании *цыганского национального района*. Его местоположение определили в Куйбышевской области. С этой целью на ее территории были объединены два сельскохозяйственных района – Куйбышевский (на территории которого существовал цыганский колхоз «Нэви бахт») и Теренгульский⁶⁹.

В результате к 1938 г. в СССР существовало уже 52 цыганских колхоза. Общее число колхозников, по оценке авторов «Истории цыган», не могло превышать 2 – 5 % общего числа цыган. Это был период наивысшего успеха колхозного строительства⁷⁰.

В 1933 г. на территории, которая в 1934 г. вошла в состав Свердловской области, существовало четыре цыганских колхоза. В Сарапульском районе – «Нэви бахт» («Новое счастье»), в Чернушинском районе – «Красный Восток», в Куединском районе два колхоза – «Новая жизнь» и «Колхоз имени И.В. Сталина». К августу 1934 г. осталось лишь два первых колхоза⁷¹.

Высокая «мобильность» или «смертность» цыганских колхозов были общей тенденцией. Так, в материалах, посвященных цыганским колхозам на территории Челябинской области, отмечалось: «В Челябинской области имеется один цыганский колхоз «Новая жизнь» в Кунашанском районе, организован в 1936 г. Организовывались и в предыдущие годы цыганские колхозы, но они существовали не более одного года и снова уезжали кочевать»⁷².

Хотя на протяжении всего нескольких лет, но цыганские колхозы на территории Урала существовали. В чем причина их создания? Следует ли признать, что их появление явилось результатом государственного вмешательства, а колхозное строительство отнести к одной из репрессивных мер по отношению к цыганам? Следует ли допустить, что цыгане в процессе оседания реализовывали и собственные интересы? Почему цыгане, пусть и без энтузиазма, который описывали газеты, но все же шли на создание колхозов?

В целом, негативно оценивая колхозное движение, авторы коллективной монографии, посвященной истории цыган, признают факты добровольного вступления в колхозы, более того, говорят об инициативе создания, которая исходила от самих цыган.

На наш взгляд авторы довольно убедительно противопоставляют такие понятия, как «табор» и «колхоз», говорят о различиях в принципах цыганского и колхозного общежития: «Колхозная система сама по себе полностью противоречила цыганской ментальности. Начнём с того, что подавляющее число кочевников не испытывало тяги к земледельческому труду, не обладала необходимыми навыками»⁷³. Отметим, что навыки

животноводческой деятельности цыгане имели. В тех случаях, когда колхоз имел животноводческую направленность, его деятельность была более эффективна.

«Устройство колхоза подразумевало насильственное прикрепление к земле путём лишения паспорта, оплату работы так называемыми трудовыми, высокие натуральные повинности, а также лагерный срок за побег или невыработку определённого числа трудовых»⁷⁴. Возможно, что репрессивные мероприятия имели место, но на материалах Урала это не прослеживается. Распавшиеся колхозы никто насильно не пытался возродить, напротив, отсутствие такого «неудобного» элемента на своей территории многие руководители воспринимали с некоторым облегчением. Авторы «Истории цыган» не приводят ссылок на документальные свидетельства о репрессиях в отношении колхозников-цыган, а примеры репрессивных мер 1930-х гг. распространялись на все население страны, различные национальности. Имели место и репрессии в отношении отдельных народов, но цыгане в этот «чёрный список» не попали. Н. Бессонов отмечает: «Единственным позитивным моментом можно назвать то, что цыгане официально не попали в число репрессированных народов. Им не пришлось пройти через поголовную депортацию, как это случилось, например, с крымскими татарами (хотя цыгане Крыма были отправлены в ссылку заодно с крымскими татарами, поскольку числились таковыми по паспорту)»⁷⁵.

Отсутствие консолидации в цыганской среде в рамках всей страны, территориальная распыленность и мобильность, по всей вероятности, лишали власти возможности не только в массовом порядке создать цыганские колхозы, но и подвергнуть этот народ депортации либо провести в отношении его целенаправленные и массовые чистки.

В «Истории цыган» авторы также отмечают: «Было бы наивно предполагать, что цыгане воспримут идею коллективного и практически не оплачиваемого труда с энтузиазмом. Журналы того периода, однако, описывают именно энтузиазм: органы управления осаждались многочисленными ходами, на собраниях таборов звучал лозунг “Дайте землю!”. Объяснение кроется в процитированных выше законах. Цыгане желали получить денежные пособия. После того, как чиновники выдавали ссуду, “колхозники”, как правило, исчезали».

Явно негативное отношение к цыганским колхозам не позволяет авторам умалчивать тот факт, что зачастую инициатива в их создании исходила от самих цыган, скорее, от наиболее образованных их слоёв. Была ли это «интеллигенция», этот вопрос нуждается в исследовании. Но нам трудно согласиться с той оценкой, которую дают авторы интеллигенции. «Вместе с тем некоторая часть цыган сделала искреннюю попытку организовать жизнь на новых началах. Немало способствовала этому цыган-

ская интеллигенция. Как известно, интеллигенция часто склонна пренебрегать здравым смыслом во имя отвлеченной идеи – так стоит ли удивляться, что некоторые из образованных цыган действительно поверили в грядущее торжество коммунизма? Эти люди агитировали своих соплеменников “за оседлость”, зачастую даже подтверждая свой идеализм готовностью самолично влиться в колхоз. Назовём, в частности, председателя Всероссийского союза цыган А.С. Таранова, поэта Михаила Безлюдского и Ивана Петровича Токмакова (последний был инструктором в Отделе национальностей ВЦИКа по работе с цыганами). (Его выступление на совещании мы цитировали. – А. К.) Безлюдский и Токмаков не только сочиняли воззвания. Они лично ездили по стране, временно становились во главе колхозов, а потом, когда, по их мнению, дела начинали идти на лад, уезжали на следующий “узкий участок”. Когда мы говорим об организаторах колхозного движения, не стоит забывать, что в большинстве своем они искренне считали сельскохозяйственный труд спасением для оголодавших при социализме цыган»⁷⁶.

Добровольность при создании колхозов не исключает и современный цыганский писатель Ефим Друц. На вопрос корреспондента о колхозах: «Они создавались насильственно или добровольно? Ведь у цыган, в отличие от крестьян, своего имущества не было, и объединять им было нечего?», – последовал ответ: «Совершенно добровольно». Корреспондент уточняет: «На фоне массовой, сплошной коллективизации?» На что Е. Друц отвечает: «Да. В цыганских колхозах реалии жизни были сложными, как и повсюду. Но здесь была и своя специфика. Цыганам нравилась и земля, и то, что они учились делать, хотя основная масса была косной и над ней довели традиционные запреты и, конечно же, сказывалось верховенство, также традиционное, цыганских стариков. А те, естественно, не очень-то тяготели к сельскохозяйственному труду. Были попытки слить цыганские колхозы с русскими или украинскими, но сами же цыгане выступали против этого: они как жили в таборе, так и хотели жить обособленно»⁷⁷.

Инструктор Западного облисполкома Герасимов, цыган по национальности, приводил следующий факт: «Около 200 заявлений поступило от кочующих цыган с просьбой принять в колхоз. Исходя из наших экономических возможностей, мы приняли только 15 семей, остальным пришлось отказать»⁷⁸.

В отличие от целей государства, стремление цыган создать колхозы нельзя трактовать однозначно, противоречивость и непоследовательность мотивов очевидна. Это предопределялось как особенностями самой цыганской среды (об этом уже говорилось выше), так и влиянием окружения (отношение к ним населения и органов власти).

Очевидно, что было и сопротивление колхозам. В отчете одного собрания, состоявшегося тогда в окрестностях Ленинграда и посвященного переходу к оседлости, о кочевых цыганах говорится: «Темный народ! Они нас, оседлых, не любят. Когда мы их зовем на землю, они не верят, смеются, некоторые кричат: “Собаке сено дать хотят”»⁷⁹.

Насколько это движение к оседлости было «инициативным», судить трудно. Обратимся к работе Н. В. Бессонова, которая дает представление о видении этой проблемы со стороны самих цыган: «Октябрьский переворот застал это национальное меньшинство врасплох. Драматург Иван Ром-Лебедев, стоявший у истоков театра “Ромэн”, вспоминал о характерной фразе, прозвучавшей в московском хоре: “Что такое “большевики”, кто такой “пролетариат”, что у них на уме, до нашей телячьей головы всё равно не дойдёт. Наше цыганское дело – сидеть и ждать”...»⁸⁰.

Изменения отнюдь не пришлись цыганам по душе. Городские артисты оказались на грани голодной смерти, поскольку исчезла богатая публика в ресторанах. Торговая среда получила первый удар ещё при «военном коммунизме» и была окончательно добита во время коллективизации законом, запрещающим держать лошадь в частном хозяйстве. Это постановление, призванное загнать мужиков в колхозы, ударило и по цыганам-барышникам, поскольку по всей стране закрылись конные ряды. В целом же кочевому народу стало гораздо труднее добывать средства к существованию из-за общего падения жизненного уровня. Обедневшее население уже не могло заплатить прежние деньги ни за гадание, ни за изделия таборных кустарей⁸¹.

Вступление в колхоз было вынужденной мерой. После октября 1917 г. были разрушены те сегменты рынка, на которые ориентировались цыгане. С известной долей условности, их деятельность можно отнести к сфере услуг. Как следствие, они могли существовать лишь при условии платежеспособного спроса.

Анализ ситуации был дан в 1928 г. в газете «Крестьянская правда»: «Занятия, быт, образ жизни цыган находятся в полном противоречии с основами нашего социалистического общества. Эксплуататорский и спекулянтский старый строй при царизме был более благоприятным для деятельности цыган. Хотя революция принесла цыганам большое улучшение их правового положения, но она больно ударила по их источникам средств существования – по торговле, по нищенству, по предрассудкам, на которых произрастает гадание, колдовство и тому подобное. Отсюда понятно, что имущественное положение цыган, которые не переменили кочевого образа жизни и своих прежних занятий, резко ухудшилось. Цыгане очень обеднели»⁸².

Отметим и тот факт, что ужесточение режима прописки приводило к ситуациям, когда цыгане выселялись из населенных пунктов за пределы

городской черты. В летнее время года это не создавало проблем, а вот зимой могло привести к трагическим последствиям. До революции цыгане проводили зиму в деревнях, снимая жилье. В Советском Союзе, с его системой прописки и запуганным населением, не каждый решался приютить табор на долгий срок. Цыган не прописывают потому, что они нигде не работают, а на работу не принимают потому, что нет прописки. Если же и удается временно остановиться – делают свое дело предубеждения. 27 декабря 1932 г. было решено ввести общегражданские паспорта. Институт прописки, естественно, относится к административным мероприятиям. Он существенным образом стимулировал цыган к переходу на оседлость. Введение внутренних паспортов также требовало фиксации места жительства: «Введение паспортной системы расширило возможность контактов органов советской власти с кочующими таборами, которым райотделами милиции выдавалось проходное свидетельство маршрута следования табора с пофамильным составом его членов. Выдаваемое вместо паспорта, такое свидетельство предъявлялось для регистрации в пунктах остановки»⁸³. Н. Бессонов приводит данные о том, что паспортизация и прописка привели к массовой высылке цыган из крупных городов⁸⁴.

По косвенным данным можно сделать вывод о том, что цыганские колхозы могли служить временным пристанищем для кочующих соплеменников. Они воспринимались как перевалочные базы, опорные пункты в случае длительных и продолжительных странствий. Наиболее многочисленные таборы кочующих цыган наблюдались именно в непосредственной близости от цыганских колхозов. «В настоящее время, – говорилось в одном из отчетов, – табором поселились проездом из Златоуста цыгане-сербы в количестве 21 семья – 112 человек, занимаются изготовлением котлов и лужением посуды. Тяги к оседанию не проявляют, говорят о том, что пробираются куда-то домой»⁸⁵.

Заявление о вступлении в колхоз могли вызвать и продовольственные проблемы. Переход в конце 1920-х гг. на карточное распределение продуктов питания выводило неработающее население из этой системы, а на «излишки» от продовольственных пайков рабочих и служащих цыгане прожить не могли.

Таким образом, вступление в колхоз и сопутствующие этому мероприятия в виде наделения землей, предоставления скота, выделения кредитов в натуральной и денежной форме, получение налоговых льгот – могли лишь частично решить эту проблему.

Есть и еще одно объяснение. В соответствии с указанными постановлениями цыгане, переходящие к оседлому образу жизни, приравнивались к категории переселенцев, как следствие – они имели целый ряд льгот. В докладной записке по вопросу переселения и хозяйственного устройст-

ва цыган в Оренбургской области говорилось: «Для вселяемых цыган необходимо предоставить следующие льготы: освободить колхозников от поставок государству на три года; освободить от уплаты сельхозналога; предоставить ссуду на 10 лет; провести за счет госбюджета землеустройство и хозяйственное устройство – озеленение поселков, постройку колодцев, школ, изб-читален, детских ясель»⁸⁶.

Особый интерес у цыган вызывала денежная ссуда. По мнению авторов работы «История цыган», размеры ссуды колебались в пределах от 500 до 1 тыс. рублей⁸⁷. При создании цыганских колхозов на Урале, как правило, выдавалась ссуда в 300 руб. на всю семью со сроком погашения 6 лет⁸⁸.

Проблемы управления, в частности координации работы органов, занятых переселением, создавало условия для злоупотреблений, порой – и криминальной деятельности. Действительно, имели место случаи мошенничества, когда цыганский табор кочевал из одного региона в другой и всякий раз инициировал создание колхоза, получая при этом материальную помощь: «Цыгане желали получить денежные пособия. После того, как чиновники выдавали ссуду, “колхозники”, как правило, исчезали»⁸⁹.

В Колхозцентр поступала подобного рода информация. Так, представители Нижневолжского края сообщали: «За последнее время к нам очень много обращались цыганские таборы, завербованные в колхоз гр. Лебедевым. Нами им была оказана помощь, и они были направлены в цыганский колхоз Котельнического района, но они до настоящего времени в колхоз не явились и продолжают разъезжать по СССР. Есть предположение, что они по всем краям получают помощь как едущие в колхоз и, получив помощь, продолжают ездить»⁹⁰.

Один из активных организаторов колхозов И.П. Токмаков привел пример нецелевого использования кредита, при этом пострадавшими оказались сами колхозники: «Очень трудно бороться с классовым врагом, потому что цыганский кулак завуалирован, простым глазом его трудно увидеть. Что проделывают кулаки? Кулаки получают по 30 тыс. руб. на покупку коров, но трудящиеся цыгане этих коров не видят. Когда была послана для проверки этого правительственная комиссия, то кулак додумался до того, что подкупил пастуха из соседней деревни, тот пригнал на время пребывания комиссии стадо хороших упитанных коров, комиссия уехала, и колхозники снова остались без коров, а кулак скрылся с 30 тыс. рублями»⁹¹.

Потребительское отношение могло и не приобретать криминальный характер, но все же тормозило развитие хозяйства. Об этом говорил на совещании представитель Наркомзема Воронин: «Кроме того, со стороны некоторых цыганских колхозов наблюдаются иждивенческие настроения

– расчет на помощь из центра. Эти настроения нездоровы, и с ними надо вести борьбу»⁹².

Есть еще один факт, свидетельствующий о том, что мотивы цыган при подаче заявления носили вынужденный характер. Если русские крестьяне подавали заявки на переселение с таким расчетом, чтобы весной начать сев на новой территории, то пик цыганской активности приходился на осень. Накануне зимы угроза существованию табора сгущалась.

«Приобщение кочующих цыган к производительному труду и оседлому образу жизни, без применения административных мер принуждения, возможно было только на конкретных примерах трудоустройства цыган на производстве, в промысловых артелях и в колхозах, а для этого необходимо было единое государственное руководство оседанием цыган» – этот тезис Н.И. Платунова заставляет задуматься над соотношением административных и экономических мер в политике властей⁹³. Действительно жесткое администрирование в отношении цыган, по крайней мере в 1920-е – середине 1930-х гг., не могло дать желаемых результатов. Труд под жестким контролем, без какой-либо инициативы и при отсутствии забора с колючей проволокой навряд ли был возможен. Именно поэтому при создании колхозов должен был иметь место некий компромисс. Несмотря на скепсис в отношении этих новообразований как со стороны самих цыган, так и ряда руководящих работников, особенно в регионах, колхозы все же создавались.

Завершая раздел монографии, посвященный переселению цыган, Н.И. Платунов пишет: «Подходя очень осторожно к национальным обычаям и привычкам малых народов, советская власть воздействовала только мерами экономического и идейно-политического характера, но не административного принуждения в процессе перевода цыган на оседлость»⁹⁴.

Если нет фактов прямого административного нажима при создании цыганских колхозов, то это не означает, что процесс шел совершенно естественно и добровольно. Политика государства в целом создавала такие условия, при которых дальнейшее кочевание не представлялось возможным. Можно говорить о целенаправленном вытеснении, выдавливании кочевого образа жизни из реалий страны, «построившей социализм». В качестве альтернативы оседанию для цыган была перспектива голодной смерти. Порой так и получалось: «...в Ростовской области замерз целый табор. Гонимые нуждой, они передвигались от села к селу. Кузнецили, попрошайничали, гадали – тем и жили. Но вот в дороге их застала пурга. Был сильный мороз. Табор заблудился, всю ночь искали пристанища, но не нашли...»⁹⁵.

Административные методы создавали общий фон, который форсировал оседание цыган. Идеологические и экономические методы государст-

ва не приносили желаемых результатов. Поэтому процесс оседания цыган затянулся на долгие годы. 20 октября 1956 г. было принято постановление Совета министров РСФСР № 685 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Возможно, исходя из опыта 1930-х гг. было принято решение селить цыган в городах, предоставив им жилье в специально созданных, так называемых «цыганских» поселках. Эти ареалы существуют в крупных городах (в частности, в Екатеринбурге) и по сей день.

Следует сказать и о том, что переход цыган на оседлый образ жизни носил характер кампании, которая осуществлялась в несколько этапов. Желание форсировать процесс приводило, с одной стороны, к использованию административных методов, с другой, к чрезмерным обещаниям и явно завышенным требованиям в отношении местных властей. Очевидно, что они находились в условиях дефицита ресурсов, цейтнота, к тому же создание цыганских колхозов не относилось к их приоритетам. Как следствие, декларируемые льготы, которые должны были быть предоставлены цыганам, не реализовывались. Наличествуют факты иждивенчества, когда цыганские общины в ожидании обещанного не прилагали самостоятельных усилий для повышения эффективности собственного хозяйства.

Характер документов не оставляет сомнения в том, что цыганские колхозы в большинстве случаев воспринимались местным населением и руководителями районов как нежелательный элемент, «персона нон гра-та». Сказывались как предрассудки, так и осознание того, что цыгане – весьма неудобный и непредсказуемый контингент, которым трудно управлять. Порой соседние колхозы несли реальные территориальные потери. В докладной записке, составленной в августе 1934 г., отмечается: «Настроение некоторых руководящих работников и окружающей части населения русских колхозов к цыганскому колхозу такое: что вот поживут малость, а потом разъедутся, причем земля, отведенная цыганскому колхозу, состоит из отрезанных земель, принадлежащих соседним колхозам. Все это вместе взятое создает почву для настроений антицыганизма. На этом же заседании в своем содокладе председатель Бисарского сельского совета т. Калинин откровенно заявил, что настроение у него и окружающей части населения колхозников по отношению к цыганскому колхозу были такие, что думали: сколько ни поживут цыгане в колхозе, все равно уедут кочевать. Но сегодня, когда цыгане с севом справились, настроения колхозников изменяются...»⁹⁶.

В то же время именно идеологические причины заставляли обращать внимание на проблемы цыган. Действительно, в стремлении перевести цыган на оседлый образ жизни видится в основном идеологический мотив, т. к. экономический эффект от подобных мероприятий был весьма

сомнительным, а затраты на их реализацию вполне реальными и существенными.

Расхождение между декларируемыми принципами, целями и реальной практикой составили основной конфликт, интригу политики государства в процессе перехода цыган на оседлый образ жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание цыганских колхозов в 1930-е гг. было результатом компромисса между интересами властей и цыганскими общинами. Интересы государства имели преобладающее значение. Они были реализованы через кампании по переводу цыган на оседлый образ жизни. Их целью являлось приведение в соответствие декларируемых идеологических установок (построение в СССР основ социализма) реальной жизни (перемещение по территории страны кочевников – носителей патриархального уклада). Цыгане действительно шли на создание колхозов, они писали заявления в земельные органы, обращались в райисполкомы. Цыгане преследовали прагматически цели (хотя могли и аргументировать свое стремление в идеологическом ключе), например, когда создание колхоза сулило им некоторые выгоды: обеспечение продовольствием, выделение денежных или иных ссуд, предоставление инвентаря и скота, легализация их статуса и т. п. Как только баланс интересов нарушался, столь непрочное образование, каковым являлся цыганский колхоз, распадалось. Причины могли быть самые разнообразные. Например, невыполнение государством своих обязательств или административное вмешательство властей во внутреннюю жизнь колхоза; могла сказаться напряженность в отношениях с местным населением либо деятельность правоохранительных органов. Не стоит исключать и роль сезонного фактора, т. к. весной трудно было удержать цыган в колхозе, а зимой потребность в помощи со стороны государства возрастала. В 1930-е гг., в период серьезной трансформации общественных отношений, цыганам необходимо было взять «тайм-аут» и адаптироваться к новым условиям, в этой связи национальный колхоз мог быть вполне приемлемой, хотя и временной формой адаптации.

Перспектива данного исследования на базе уже выявленных и вновь полученных материалов видится в анализе процессов функционирования цыганских колхозов на Урале, рассмотрении отдельных направлений их деятельности, в выявлении характера взаимоотношений цыган с местными органами власти и населением, в оценке степени влияния на колхозы общественных организаций и т. п.

---

¹ Цит. по: Полонский А. Хозяева дорог // Периферия: Открытый литературный журнал Сергея Толиевского [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://periferia.kulichki.net/konc12.htm>

² См.: Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

-
- ³ См.: *Деметер Н. Г.* История цыган – новый взгляд / Н.Г. Деметер, Н.В. Бессонов, В.К. Кутенков. Воронеж, 2000
- ⁴ См.: *Бессонов Н.* Цыгане под сенью рубиновых звезд [Электрон. ресурс]. 30 октября. 2002. № 22. С. 6 – 7. Режим доступа: <http://www.philology.ru/liloro/romanes/bessonov1.htm>; *Бессонов Н.В.* Цыгане и пресса. 2 // Правовая самозащита: Сб. / Под ред. Я. А. Решетникова. М., 2003 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/liloro/romanes/bessonov5.htm>
- ⁵ См.: *Бриль М.* Цыгане в Союзе ССР / М. Бриль, Е. Попова // Сов. строительство. 1932. № 2. С. 137; *Бриль М.* Трудящиеся цыгане – в ряды строителей социализма // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 60.
- ⁶ См.: Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 61 – 72.
- ⁷ См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф.88-р облисполкома; Ф.239-р. Уральское областное земельное управление.
- ⁸ См.: На стыке континентов и судеб: (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах). Ч. 1. / Ред.-сост. К.И. Зубков, А.П. Килин, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. Екатеринбург, 1996.
- ⁹ См.: *Килин А.П.* Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Материалы конф.: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18 – 19 апреля 2002 года. Екатеринбург, 2002. С. 261 – 264.
- ¹⁰ См.: *Деметер Н.Г.* История цыган. С. 203.
- ¹¹ *Платунов Н.И.* Указ. соч. С. 261 – 262.
- ¹² Там же. С. 250.
- ¹³ Совещание по трудоустройству... С. 68.
- ¹⁴ См. данные на 1925/26 год: ГАСО. Ф. 239-р. Оп. 1 Д. 504. Л. 1.
- ¹⁵ См.: *Платунов Н.И.* Указ. соч. С. 252.
- ¹⁶ См.: Там же. С.261 – 262.
- ¹⁷ См.: Там же.
- ¹⁸ *Бриль М.* Цыгане в Союзе ССР... Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальности. 1936. № 2.
- ¹⁹ Совещание... С. 62, 65.
- ²⁰ *Бриль М.* Цыгане в Союзе ССР... С. 126 – 127.
- ²¹ Совещание... С. 68.
- ²² ГАСО Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 4417. Л. 137.
- ²³ Там же. Л.179.
- ²⁴ ГАСО Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 4417. Л. 183.

-
- ²⁵ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 4417. Л. 114.
- ²⁶ Там же. Л. 136.
- ²⁷ Бриль М. Цыгане... С. 126 – 127; О более подробной классификации цыган см.: Деметер Н. История цыган – новый взгляд / Н. Деметер, Н. Бессонов, В. Кутенков. Воронеж, 2000.
- ²⁸ Совещание... С. 61.
- ²⁹ Там же. С. 64.
- ³⁰ Полонский А. Хозяева дорог // Периферия. Открытый литературный журнал Сергея Толиевского [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://periferia.kulichki.net/konc12.htm>
- ³¹ Бриль М. Цыгане... С. 133; см.: Борьба. 1931. 24 мая.
- ³² Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918 – 1938 гг.: Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 215.
- ³³ Деметер Н. История цыган. С. 212.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 138 об.
- ³⁵ Совещание... С. 68.
- ³⁶ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 261 – 263.
- ³⁷ Там же. С. 268.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 42 – 43.
- ³⁹ См.: Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох // Социально-экономическая история / Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. 6. М., 1995. С. 35 – 48.
- ⁴⁰ Бриль М. Цыгане... С. 130 – 131.
- ⁴¹ Там же. С. 132.
- ⁴² ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 52 об.
- ⁴³ См.: Платунов Н.И. Указ. соч. С. 271.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 76.
- ⁴⁵ Там же. Д. 4417. Л. 180.
- ⁴⁶ См.: Платунов Н.И. Указ. соч. С. 263.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 174.
- ⁴⁸ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 271.
- ⁴⁹ Совещание... С. 70 – 71.
- ⁵⁰ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. Отдел первый. 1926. № 67. 27 окт. Ст. 508. С. 1225.
- ⁵¹ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 265.

-
- 52 Всероссийский союз цыган был организован по инициативе группы цыган в 1925 г. Ликвидирован постановлением НКВД 15 февраля 1928 г. См.: *Попов Е. Цыгане в Союзе ССР...*; *Деметер Н. История цыган...* С. 205.
- 53 *Бриль М. Цыгане...* С. 127.
- 54 Там же. С. 128.
- 55 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Отдел первый. 1928. № 28. Ст. 203. С. 352.
- 56 Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине. С. 157 – 158.
- 57 См.: *Бриль М. Цыгане...* С. 129.
- 58 Там же. С. 129.
- 59 Там же. С. 130 – 131.
- 60 ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 11.
- 61 *Платунов Н.И. Указ. соч. С. 258.*
- 62 Совещание... С. 62.
- 63 *Платунов Н.И. Указ. соч. С. 258.*
- 64 Там же. С. 258.
- 65 Совещание... С. 63.
- 66 Там же. С. 64.
- 67 См. о нем: *Деметер Н. История цыган. С. 204 – 205.*
- 68 Совещание... С. 69.
- 69 См.: *Платунов Н.И. Указ. соч. С. 265.*
- 70 См.: *Деметер Н. История цыган. С. 203.*
- 71 ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 41.
- 72 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 150. Л. 1. Материал РГАЭ (г. Москва) любезно предоставлен нам канд. ист. наук, доцентом Людмилой Николаевной Мазур.
- 73 *Деметер Н. История цыган. С. 203.*
- 74 Там же.
- 75 *Бессонов Н. Цыгане под сенью рубиновых звезд [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/liloro/romanes/bessonov1.htm>*
- 76 *Деметер Н. История цыган. С. 203 – 205.*
- 77 *Друц Е. Русские цыгане вчера и сегодня // Образы мира [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.niworld.ru/Statei/druts/cigane.htm>; см. также: Друц Е. Цыгане: открытый взгляд на проблему // Азия и Африка. 1990. № 4.*

-
- ⁷⁸ Совещание... С. 66.
- ⁷⁹ Полонский А. Время и цыгане / А. Полонский, А. Яковлев // Периферия: Открытый литературный журнал Сергея Толкиевского [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://periferia.kulichki.net/konc12.htm>
- ⁸⁰ Бессонов Н. Цыгане под сенью рубиновых звезд.
- ⁸¹ См.: Там же.
- ⁸² Деметер Н. История цыган. С. 199.
- ⁸³ Платунов Н.И. Указ. соч. С.266.
- ⁸⁴ Бессонов Н. В. Цыгане под сенью рубиновых звезд.
- ⁸⁵ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 4417. Л. 180.
- ⁸⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.
- ⁸⁷ Деметер Н. История цыган. С. 203.
- ⁸⁸ См. об этом: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 105. Л. 121.
- ⁸⁹ Деметер Н. История цыган. С. 204.
- ⁹⁰ Бриль М. Цыгане... С. 132.
- ⁹¹ Совещание... С. 69.
- ⁹² Там же. С. 65.
- ⁹³ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 264.
- ⁹⁴ Там же. С. 272.
- ⁹⁵ Деметер Н. История цыган. С. 212.
- ⁹⁶ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 1. Д. 3908. Л. 43.